

Полина Елизарова

Ровно

посредине,

всегда

чуть ближе

к тебе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина Елизарова

**Ровно посредине, всегда
чуть ближе к тебе**

«Автор»

2023

Полина Елизарова

Ровно посредине, всегда чуть ближе к тебе / Полина Елизарова —
«Автор», 2023

Иногда случайная встреча на улице и последующий за ней пустячный разговор способны изменить жизнь. Так произошло и с героинями романа. Вера, Надежда и Любовь - обычные городские жительницы. Им за сорок, они еще полны энергии, но опыт прежних ошибок и боль потерь заставляют их быть осторожными и мешают жить так, как мечталось... Те, кому пришлось по душе роман "Бабы, или Ковидная осень", не останутся равнодушными к хитросплетениям в судьбах героинь.

© Полина Елизарова, 2023

© Автор, 2023

Полина Елизарова

Ровно посредине, всегда чуть ближе к тебе

От автора.

Этот роман впервые был выпущен издательством АСТ в начале 2020 года. Произведение, написанное за несколько месяцев, стало для меня экспериментальным: сюжет живет и развивается сугубо в диалогах героинь. В романе нет ни одного повествовательного предложения, кроме новостных выносов, путем случайной выборки взятых из ленты «Яндекса». В сегодняшнем дне эти факты из прошлого воспринимаются как слепок ушедшей эпохи. Что происходило в мире и волновало общественность уже в таком, казалось бы, далеком 2017 году? Многие видятся из дня сегодняшнего странным, многое – ещё более страшным... А мои героини – обычные горожанки среднего возраста. Они не говорят о политике и не ходят на митинги. Их интересуют отношения с мужчинами, они обсуждают проблемы выросших детей, вспоминают «советское» детство, «перестроечную» юность и упрямо не принимают некоторые перемены в коллективном сознании. Всем наболевшим, постыдным и тайным они делятся честно, как на исповеди. Насыщенные, плотные, на контрасте с воздушным текстом иллюстрации внутри романа (их сделала талантливая художница Наталья Трипольская) заслуживают отдельного внимания – как написала одна из читательниц «хоть распечатавай и на стенку вешай». Тем, кому пришелся по вкусу роман «Бабы, или ковидная осень», уверена, не будут разочарованы: три женских судьбы почти случайно пересекаются в одной точке, чтобы взбудоражить привычный ход вещей.

Полина Елизарова

Из отзывов читателей.

Литрес: «Что приносит счастье современной женщине? Это важный вопрос, и волнует он не только женщин, но и мужчин. Почему, посвящая себя семье, женщина так часто чувствует себя несчастной, делая несчастными окружающих? И разве за добро можно требовать плату, пусть и нематериальную?.. Сегодня как никогда остро ощущаешь эту раздвоенность, о которой так тонко и умно говорит автор. Об этом стоит подумать, эту книгу стоит прочитать».

Лайвлиб: «У меня такое ощущение, что это новое поколение – не живые люди, а ники, аватарки и идиотские словечки, зависающие в дыму от набитых каким-то дерьмом ингаляторов, которые они изо рта не вынимают. Не люди, а карикатуры на людей». Это не я. Это Верка из "Ровно посередине". Но я бы тоже так сказала. А среди этого поколения мы – вроде еще не старые, но совсем другие. И вот книга Елизаровой о таких вот нас, других, оставшихся, не вымерших ещё динозавров. У которых есть мысли и цели, которые каждый поход к знакомому дантисту, как в книге, превращают в событие и повод почесать языком. Которые как Надя, внезапно отращивают крылья и улетают, но не случайно, а обдуманно. Которые живут и точка»

Сентябрь 2017 года

- На канале «Ютьюб» появилась лекция психолога Анастасии Долгановой «Мир нарциссической жертвы».
- Более 20 тысяч человек эвакуированы в Москве из торговых центров из-за сообщений об угрозах взрыва.
- Лучшим драматическим сериалом назван «Рассказ служанки».
- Компания Apple представила новый iPhone X. Цена – от 1000 \$.
- Президент Украины подписал закон, предусматривающий прекращение обучения в школах на русском языке.
- В подмосковной Ивантеевке девятиклассник выстрелил учительнице в голову из травматического пистолета.

- Король Саудовской Аравии издал указ, согласно которому с июня 2018 года женщинам разрешено выдавать водительские права.
- Среднемесячная температура в Москве +12 С°.

Люба и Вера

28 сентября

Москва. Медицинский центр «Гармония». Отделение стоматологии

– ... Сколько себя помню, все вокруг последовательно и цинично уничтожало мою женственность. Но я только к сорока начала об этом всерьез задумываться.

– А сколько тебе? Ну-ну, ты передо мной-то не финти. Карта твоя на столе лежит, лень отрывать.

– Сорок пять.

– И во сколько эти минус десять обходятся в месяц?

– Злая ты, Верка! По-разному... От пятерки до тридцатника.

– Ну все, поехали. Рот пошире открой, пломбу поставлю, потом еще потрещишь.

– Угу...

– Не знаю, как там с женственностью, но у тебя хотя бы есть возможность себя баловать. Да не дергайся ты, там нечему болеть! Думаешь, я бы не стала, если бы свободные бабки были? Ромке все отдаю, кровососу... Вообще все – я не только про деньги. Девку нашел, а что девка? Неряха, неумеха, инфантилизм полный, куда ни ткни! Ничего им не надо, ничего не интересно... Они даже значения некоторых русских слов не понимают. Приезжали вчера, морды постные, вроде как одолжение делают, квартиру сняли – а жрать-то нечего... Он так и набросился на еду, аж тарелку вылизал! А она сидит, косится брезгливо, типа, еда у меня неправильная... Подгрузила на телефоне уродов каких-то, вроде как рэп, только они еще и матом ругаются, ему под нос пихает, глаза горят... Я говорю, вам в Большой билеты брать? Само собой, в подарок. Проямили что-то, а десятку протянула – мигом схавали, что автомат Сбербанка.

– Говорить можно уже?

– Да ты даже с зашитым ртом заговоришь. Можно...

– Знаешь, ты все равно молодец. Делишься с ним, отдаешь, несмотря ни на что. Я ведь тоже всегда хотела вот так, бескорыстно, отдавать, но... не получалось.

– Что, не брали?

– Ну как не брали – подарки, конечно, все брали, как само собой разумеющееся... Я такой раньше себя счастливой чувствовала, пока их выбирала-покупала. Сердце колотится: понравится ли, подойдет? Полминуты взаимного счастья, обертки на пол, поспешная щенячья благодарность – а через час я себя ненавижу начинала. Почему всегда я?! Что Кирилл своего ташу, что еще кого... Я уже лет десять как прилично зарабатываю. Но у меня даже не это сейчас в голове крутится, я что-то другое отдать хотела, а это у меня и не просили, никогда...

– Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Все у тебя к мужикам скатывается. Значит, не так и не то могла отдать, раз не просили. Или не тем.

– Скорее всего. И еще: я только недавно поняла, что большую часть жизни провела в неудобстве. Пока жила, дура, только Кириллом – свернусь, бывало, невообразимо, застыну на одной тазобедренной кости, руки немеют, шея затекает, дышать почти нечем, а я лежу, пошевелиться боюсь, только чтобы его, бухого, не дай бог не потревожить, пусть перегаром, но только чтобы рядом сопел... Уже давно сплю одна, его в кабинет выгнала, писателя, ити его мать... Кровать два на два, а сплю все в той же позе, понимаешь? В детстве я с матерью часто спала, пока она отца дожидалась. Семья у меня простая, отец в депо работал, а ничего, по

сути, для баб от среды не зависит. Мать жалко было, аж сердце саднило... Откуда-то оттуда все и идет. Дискомфорт, который становится частью тебя самой.

– Похоже на то. Да что ты так в кресло вцепилась? Расслабься, мы закончили.

– Вер, у меня часто пальцы от напряжения дрожат, особенно, когда я сталкиваюсь с чем-то неизвестным... Рефлекторно. Я и неудобство своим присутствием причинить боюсь и одновременно обороняюсь. Мне это человек один вчера сказал.

– Человек... И что, даже частая смена половых партнеров не помогла раскрепоститься? Извини, если резко спросила.

– Вер, это все равно что я тебя спрошу: даже такое количество людей в этом кресле не помогло тебе научиться слышать других?

– Ага, обиделась... Постучи теперь по бумажке зубами. Да не так! Прикуси ее просто. А что за человек-то?

– Ну... Считаю, психолог мой.

– Мужик?

– Да.

– Молодой?

– Да.

– Нетрадиционной?

– Ну почему сразу нетрадиционной? Не знаю. Но он так выворачивает меня за час, я просто понять пока на могу – наружу или наизнанку.

Люба и Надя

Москва.

Платная парковка рядом с медицинским центром «Гармония»

– Блядь, у нее точно глаза на жопе!

– Что случилось?

– Ша, Вов, погоди... Ну точно, притерла меня, сучка.

– Баба что ли?

– Ага.

– Серьезно?

– Вроде нет, что-то стукнуло слегка. Давай, позже перенаберу. Уехала я на встречу, твою ж ты мать!

– Ты поаккуратней там. Бабы сейчас злее мужиков. И в страховку сразу звони.

* * *

– Ой, простите ради бога! Даже не поняла, как так вышло... Ребенок звонит, его пораньше отпустили, не знает, что ему делать... А я и сама на урок опаздываю смертельно! Он звонит, плачет, связь плохая, ничего разобрать не могу... Кутузовский перекрыли, и как тут рассчитаешь время? Я всегда с запасом выезжаю... Стою в пробке, ярость бессильная, а что делать? Я никого, кроме себя, не накажу, опоздаешь на урок – меньше заниматься будешь, а деньги те же... Подъехала, смотрю местечко не слишком удобное, я задом не люблю заезжать, но других, как видите, здесь нет... Не бросать же машину посреди улицы!

– Хм... Так ты учительница, что ли?

– Да нет. Я испанским здесь занимаюсь, вон в том доме. С репетитором.

– Понятно. Ментов вызвала?

– Я? Пока нет, я думала, вы должны. Ой, погодите, опять ребенок звонит!

– Первоклассник?

– Второй.

- Класс?
- Да. А ребенок третий.
- Ясно... Ну я звоню ментам!..
- ... Что говорят? Ско-о-лько ждать?! Мне же на урок!
- На урок ты опоздала, расслабься. Знаешь, у меня идея: давай им записки с номерами телефонов под лобовым оставим, а сами вон в том кафе посидим, кофе хочу – аж мозги сводит, и в туалет бы забежала...
- Ой, какая вы дерзкая! Меня Надежда, кстати, зовут.
- Люба. И можно на ты.
- Прости, Люба, что так вышло... Кутузовский перекрыли, а я задом не люблю, а Гриша звонит...
- ... Что орать-то сразу? Кому мы тут перекрыли? Да валяй, пиши уже, я описаюсь сейчас! Обьезжай скорее, вагон места! Козлы, блин, вылупились!

Надя и Люба

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Шоколадница»

- И что, прямо у церкви припарковалась?
- Да! А что делать-то было? Три круга намотала, все забито, даже, сука, инвалидные, подруга издергалась, звонит каждые три минуты, сеанс начинается, кофе стынет... Слезы душат, я в четвертый раз через Сивцев Вражек круг выписываю – и вижу: церквушка небольшая. Подъехала к воротам, выскочила, смотрю – идет служитель. Мужчина, говорю, миленький, не бросайте ради Христа, поставьте на территории, я хорошо заплачу! И тут вспоминаю, что у меня в кошельке только пятерка неразменная... Вернусь, говорю, отблагодарю! Через три часа прихожу, пятьсот рублей ему пихаю – спас же. А он и не взял... «Храни тебя Бог, – говорит, – сестра».
- Вот уж действительно, чудны твои дела, Господи.
- Вот уж да. А ты баба красивая.
- Спасибо.
- Неужели трое? И все от одного?
- Кроме старшей. Сразу после школы замуж выскочила... Все глупостью было, кроме нее.
- Бывает. И сколько ей сейчас?
- Двадцать четыре.
- Хера себе! Знаешь, самая молодая в мире это, конечно, я! Но ты и правда офигенная. За таких, как ты, мужики когда-то стрелялись.
- Да брось ты.
- Вообще-то я редко людям приятное говорю, по работе за целый день кривляться надо-едает.
- А кем ты работаешь?
- Аферисткой.
- Ха-ха-ха! Я серьезно.
- Я тоже. Убеждаю лохов покупать за приличные деньги лежалый или никому не нужный товар. Слушай, давай не будем об этом! Смотри, какая осень! Страсть как хочется страсти... Но только такой, чтобы без последствий.
- А так разве бывает?
- Если верить, все бывает. А у тебя такое лицо, что с тобой хочется про осень и даже хочется совсем о другом, о чем люди почти не говорят. Я чувствую, что куда-то падаю... Но

небеса, они мудрые, всегда дают шанс. Недавно к одному человеку стала ходить, мне кажется, он помогает остановить падение.

–А кто он?

- Неважно. Он учит дышать, обниматься. Конечно, за деньги, но это уже не имеет значения.
- Обалдеть... Люба, у тебя телефон вроде тренькает в сумке, может, менты приехали?
- Да нет, это муж. Потом перезвоню.
- Хороший?
- Мудила.
- Ой, прости... А зачем ты с ним?
- Он мудила, но свой. А я не умею жить одна. А твой?
- Хороший...
- Не говори, если не хочешь.
- Что не говори? Я же сказала: хороший.
- Угу... Ты в этой соцсети есть?
- Есть. Если позволишь, я сама тебя в поиске наберу, у меня фамилия сложная. Ой, вот и мне звонят! Теперь уже точно менты.

Октябрь 2017 года

- Генерал-губернатором Канады стала женщина-астронавт.
- В Москве покончила с собой 14-летняя школьница, мечтавшая стать балериной.
- Ксения Собчак объявила о своем выдвижении на пост Президента России.
- Из-за сексуальных домогательств продюсера Харви Вайнштейна исключают из Гильдии продюсеров Америки.
- Съёмки «Картонного домика» заморозили после обвинения Кевина Спейси в педофилии.
- Нобелевская премия по литературе за 2017 год присуждена Кадзуо Исигуро, британскому писателю японского происхождения, «который в романах великой эмоциональной силы открыл пропасть под нашим иллюзорным чувством связи с миром».
- Неизвестный ворвался в редакцию «Эха Москвы» и ранил ведущую ножом в горло.
- Бывшая участника проекта «Дом-2» Ольга Бузова выпустила дебютный сольный альбом «Под звуки поцелуев».
- На волне скандала с Харви Вайнштейном американская актриса Алисса Милано запустила в сети флэшмоб #ятоже в поддержку женщин, когда-либо подвергшимся сексуальным домогательствам. Жена обвиняемого в домогательствах заявила, что уходит от него. Полиция завела на продюсера уголовное дело.
- Несмотря на противостояние депутата Госдумы Поклонской с режиссером Учителем в Москве с успехом прошла премьера фильма «Матильда».
- Через несколько часов после объявления об исчезновении знаменитого российского актера 82-летнего Армена Джигарханяна журналисты нашли его в одной из больниц, где он заявил, что молодая жена выгнала его из театра и переписала на себя две его квартиры.
- Среднемесячная температура в Москве +4,8 С°

Надя и Вера

2 октября Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

- Вера, я дышать рядом с ним не могу, понимаешь? Вроде заболевания какого-то... Сначала дискомфорт был легкий, потом он усилился, в хроническую форму перешло, а сейчас так обострилось, что задыхаюсь, физически задыхаюсь, Вера!
- Надь, да ты охренела?! Вы с Алексеем всегда лучом света для меня были, веришь, нет, когда начинал кто-то зудеть, да хоть бы и я сама, про тяготы и бессмысленность брака, так

сразу вы перед глазами... А ты такое говоришь! Хандра это осенняя. Или с гормонами что-то. Хотя рано тебе еще про гормоны думать.

– Вер, ты услышь меня... Я пытаюсь донести до тебя то, что есть на самом деле, а ты меня в какие-то рамки опять загоняешь. Только эти рамки прогнили давно. Прости, но мне и сказать-то больше некому... На днях с теткой здесь неподалеку познакомилась, въехала в нее по неосторожности, интересная тетка, то есть скорее девушка, взрослая сов-сем девушка... Пока ментов ждали, в «Шоколадницу» зашли. И она мне, чужому человеку, сразу всё и выдала. Наверное, ей стало легче... А я так не могу. Годами в себя всю гадость проглатываю.

– Надюха, это так на тебя не похоже! Вообще забавно... Надо же, с чужой теткой, в которую ты еще и въехала, в кафе пошла! А если бы это была автоподстава? Сейчас столько об этом пишут!

– Ну какая там подстава? Поначалу, конечно, чувствовалось, что она меня матом покрыть хотела, а потом как будто что-то шелкнуло в воздухе и... отличная и несчастная тетка.

– Все вокруг несчастные, когда внутри разлад. И все же я не понимаю, что у тебя с Алексеем стряслось.

– Ничего. Пусто – и все.

– Может, повод есть?

– С его стороны – не похоже. Ты же его знаешь: аккуратненький, как батон с витрины, а внутри совершенно черствый. Неспособен он в кого-то влюбиться, а так просто – чистоплюйство не позволяет.

– Господи, у вас такие чудесные ребятишки!

– Ой, ну не начинай. Еще перечисли, какой Алексей замечательный отец, муж и сын, как он здоровье надрыгает на благо любимой семьи, сколько в старшую вложил и сил, и денег, и бла-бла-бла. Все в нем если не идеально, то почти, кроме одного: он не замечает, что меня давно уже нет. Утром встаю – программа включилась, ложусь – выключается. Но только все чаще сбои пошли, а случается, прямо среди бела дня накрывает. В руль вцеплюсь, слезы текут, так и хочется выйти на трассу, разогнаться и ехать долго-долго, до самой последней усталости, и чтобы на весь салон одна только музыка орала.

– Не получится. У нас все трассы давно стоят, в любой сезон и в любую погоду.

– Само собой... А я домой еду, они же ждут... В выходные пообедаем, он на диван ляжет, давай, говорит, фильм посмотрим хороший. Что-то там не грузится, что-то ему не слышно, он вроде бы и вежливо ко мне обращается, а изо рта так и сочится досада – мол, это ты во всем виновата, – хотя он это сам предложил, а я другой фильм хотела, если вообще – фильм. Секс строго раз в неделю – как с мертвой рыбой целуешься...

– У кого-то и этого нет. Да убери ты свой кошелек, сегодня моя очередь, забыла?

– Понимаю. Думаешь, от этого легче?

– Не знаю. Да, платить будем по карте. Девушка, пожалуйста, побыстрее. Надь, убери деньги, что ты съела-то, одно пирожное?

– Да, но зато хоть с удовольствием. Спасибо тебе, Верунь.

– За что?

– За то, что выслушала.

Надя и Люба

3 октября Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» — Московская область. КП «Сосны»

– Привет) Смотрю, ты в чате.

– Как твой испанский?

– Mejor. Рада тебе)

- Со страховкой уладила?
- Да. Не беспокойся)
- Я и не беспокоюсь, у меня КАСКО.
- Читала тебя здесь, ну ты и режешь по-живому.
- Да ладно))) Я просто развлекаюсь.
- Где писать так научилась?
- Муж научил. Хотя этому не учат.
- Дерзкая ты. Но читать интересно, даже если тема не моя.
- Ой, вот это для меня важно! А то мне часто кажется, что лайкают, в основном, уже по инерции. А твоя какая тема?
- Буэнос-Айрес.
- Не была. Туда хрен знает сколько лететь. Собираешься в отпуск?
- Туда все равно не получится. Мои Испанию любят.
- А ты?
- Что я?
- Что любишь ты?
- Свою семью.
- Это я поняла. А еще?
- Ой, это здорово, что мы списались) Ну все, мне бежать пора.
- Хорошего дня)
- И тебе)

Люба и Вера

5 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония». Отделение стоматологии

- Знаешь, я иногда захожу на страницу к своему первому парню.
- Так вы до сих пор общаетесь?
- Конечно нет. Нашла его в соцсети, фамилию мужики редко меняют, а внешность еще реже.
- И что, обозначилась?
- Вот еще! Просто, бывает, не спится, вспоминаю что-нибудь, как осколки крошечные из давно забытой раны выщипываю.
- Ой, не знаю... Мне, например, такого рода вещи совершенно не интересны. Валя, у меня еще прием! Вот и пусть ожидает по времени. И что же тебе у него интересно? Я так подозреваю, четверть века прошло или поболее?
- Ну как тебе объяснить... Каких-то два сантиметра в другую сторону – и я могла остаться с ним и с его никчемной компашкой.
- Так ты жалеешь?
- Шозабред?! Просто любопытно, как он прожил все это время без меня, с кем-то еще, а мог бы со мной. А я – так слава богу, что не с ним!
- Ясно. Лишний раз укрепляешься в мысли, что твои два сантиметра качнулись в правильную сторону.
- Нет... Скорее как кино просматриваю. За неживыми фотографиями – живое. Вот я и додумываю, что там, и, уверена, почти не ошибаюсь.
- Ребенка бы тебе еще одного. Усыновили бы кого-нибудь, спасли человечка...
- О чем ты?! Я рада, что Юрка давно уже взрослый и самостоятельный, не обуза, а друг! А ты такое! И потом, я никогда чужого не приму... Просто не смогу себя заставить.

– Я тоже. Ладно, это я так... Но я вот, например, страдаю от того, что Ромка, гад, так быстро вырос. И все издержки его взросления, девка эта, хата съемная, плохое питание – а он еще и курит натошак, – все это меня просто в ступор вгоняет!.. Валя, а Геннадий Павлович не может сам салфетки себе выписать? Да бери уже, раз пришла. Безответственность сплошная. Я что, бюро добрых услуг?! Бери и иди! Да, ровно в четыре приму ее.

– А мне девушка одна очень нравится. На Генкину медсестру чем-то похожа.

– Ну... цирк приехал! Хотя в Европе сейчас это чуть ли не норма. Но ты все-таки не Рената.

– Пффф... Я вообще не про это. Она мне как произведение искусства нравится, какой-то своей инаковостью. Я думала, такие уже не водятся. Вижу в ней себя – такую, какой никогда не смогла бы стать.

– Любишь ты так, напоследок, огорошить. Давай, беги! В следующий понедельник придешь. А ты как думала, милая моя? Если хочешь Голливуд, еще долго походить ко мне придется.

– Пока-пока.

– От дура шизанутая... Когда жить для кого-то не получается, всякой хренью бабы начинают страдать... Валя, приглашай!

Надя и Люба

8 октября

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» — Московская область. КП «Сосны»

– Люба, привет) Я не слишком поздно?) Можно тебе кое-что очень личное написать?

– Конечно. У тебя проблема?

– Проблема? Я жить не хочу.

– Опа... Так сразу... Да ты чего?! Напилась, что ли? Где ты вообще?

– Дома.

– А любимая семья?

– Спят все.

– И с чего тебя вдруг накрыло? Признавайся, мужик?)

– Нет мужика. Вообще ничего нет. Стагнация.

– Так ты все-таки пьешь втихаря?

– Бокал красного вина.

– Дорогая моя, это все осень. Дефицит витамина Д. У нас солнце почти по самый июль не включали, потом на два месяца одолжение сделали и снова выключили. Саму мотает в последние дни не по-детски... И все-таки что стряслось?

– Пресно. Пусто. Невыносимо.

– Блин, ты же счастливая мать! И, наверное, жена?

– Я им совсем не нужна. Они все чем-то заняты.

– И второклассник?

– И второклассник. Он же папин сынок. Хоккей с шести лет, а я так – подай, отведи.

– Ща, погоди! Будь здесь, что-то мать звонит, отвечу.

– Ок.

– Вот черт... Дядька умер. Поехал, божий человек, в деревню к родственникам, бухал, видать, по-черному и помер во сне.

– Ой, прими мои соболезнования...

– И все ведь опять на меня, будто я железная! У матери язык заплетается: то ли водки жажнула, то ли с валокордином переборщила. А что она еще умеет? Только паниковать и

вопить... Своей семьи у дядьки давно нет, друзей, похоже, тоже. Снова все дерьмо в меня летит. Выходит, никто другой сделать ничего не может.

– А муж? Он разве не помогает?

– Муж... Я часто забываю, что он есть. По фигу все мужу, даже ставить в известность нет никакого смысла. Приобнимет для вида, а мне от этого только хуже. Ох... Завтра придется агента искать, доверенность оформлять, документы на транспорти- ровку.

– Сочувствую.

– Надя, он ведь жить хотел! Больной весь, псо- рiazный, бухал всю дорогу, а жить хотел! А теперь вот гниет в глуши его труп... Мать сказала, его на третий день только нашли. Ты поняла меня?! Выброси всякую хрень из головы. Не нужна она нико- му. Слова это все, пустые слова.

– Буду стараться.

– Вот. Давай, учи свой испанский и спать ложись. Утро вечера мудренее. До связи.

– Держись там. И прости меня за глупость. Вырвалось.

– Не парься. И не пропадай.

Вера и Надя

9 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Нет, девушка, я просила латте с ореховым сиропом, на соевом молоке и без кофеина. А вы что принесли?

– Вер, ну хочешь, я его выпью, а тебе другой сделают?

– С какой стати? Пей свой шоколад.

– Я могу и то и другое.

– И при этом пьешь только воду! Девушка, куда это вы уходите? Нет, моя подруга тоже не будет это пить, переделайте как должно быть: без кофеина, на соевом молоке и с ореховым сиропом. Да, принципиально! Мне не нужно рисовое, ненавижу рис!

– Что-то ты сегодня совсем не в духе.

– Ну почему же? Просто меня такая безответственность подбешивает! У меня приятельница на днях была, из тех клиенток, что ко мне как к психологу уже приходят, лет десять ее пастью занимаюсь... Так вот, я над ней офигеваю: пятый десяток бабе, замужняя всю дорогу, сын давно женат, а у нее то роман очередной, то ностальгия по юности, то дышать она где-то учится, то женщиной какой-то левой восхищается... Пожизненная психологическая незрелость. И ничего. Фаргит ей по ходу пьесы, выносит ее течение вместе со всем этим бредом.

– А что у нее, кариес?

– Какой кариес? С простым кариесом – это к Генке. Тут куча всего – и лечим, и прикус правим, и виниры ставим, она машину по весне поменяла, теперь улыбку поменять захотела.

– Завидуешь?

– Я?! Даже если и так, то не по-хорошему...

«Попрыгунью Стрекозу» помнишь? Вся в кредитах, что в шелках, и все веселится.

– Может, тебе бросается в глаза то, что ты себе позволить не можешь?

– Предположим. Но, если честно, она грузит меня своими откровениями.

– Расскажи подробней! Откровения незнакомых людей – это всегда так интересно!

– Да не о чем тут рассказывать. Любят некоторые с мазохистским удовольствием копаться у себя в башке. Притягивают друг к другу несвязанные между собой вещи.

– Например?

– Например, танцы у нее, оказывается, ассоциируются с гневом и раздражением. Это она мне как великое открытие сегодня вlepила! Типа, как-то в детстве, случайно, на кухню ночью

зашла, там мать на столе танцевала, а пьяный отец ухмылялся и смотрел. Ты представляешь, сколько людей на воздухе деньги зарабатывают? Те, кто за приличные бабки придумывают несуществующие причинно-следственные связи?

– И с чем тут связь?

– Типа с тем, что все, что связано с телом, вызывает у нее зажатость. Мужиков вокруг табун, красивая, далеко не глупая...

– Она пытается что-то в себе понять. Разве за это можно осуждать?

– Надюша, что там понимать? Все мы, сорняки, как-то приспособились и живем со своими порезами, раз живы до сих пор. Эти травмы детства, неосознанное, усыпленное и блаблабла – одно словоблудие! Психологию я еще в институте не любила и прогуливала, ибо не фиг людям и без того туманное туманными словечками голову морочить. Хлам это лишний как картонные упаковки таблеток и мазей: уж и препарат годами в бою, и аннотацию к нему наизусть знаешь, но некоторые с этим хламом расстаться не могут, копят подобный мусор, а еще открытки и коробки из-под обуви. Вообще-то, я думаю, она пытается найти причину отсутствия способности кого-то, кроме себя, любить. Но это ведь не каждому дано! И наркоманами, и алкоголиками, и поэтами, и любящими – ими рождаются.

– А если это не отсутствие способности, а просто ее время еще не пришло?

– Я тебя умоляю! Ее время скорее уже ушло... Родилась она уже без этого органа, а он, фантомный, нет-нет да подсасывает, вот и развлекается она, лишь бы в этом самой себе не признаваться. Чем бы дитя ни тешилось...

– По-моему, она борется. А к борьбе может мотивировать только живой орган.

– Хм... Если она и борется, то только с собственной духовной пустотой. Ну а ты, чего одну воду-то пьешь? Ты сама как вода.

– Настолько обычная?

– Настолько от погоды зависимая.

– Так сносная погода сегодня.

– Что у тебя с Лешкой? Отпустила дурь?

– Не было никакой дури, а потому и отпускать нечему.

– Нерв в тебе появился. Только я понять не могу, откуда он мог взяться в твоей-то сытости? Надь, если закрутила романчик – нет-нет, ты можешь не признаваться, даже лучше не признавайся, все-таки он мой брат, – но я все же скажу... Ой, аккуратней, на, возьми салфетку, у тебя шоколад по подбородку течет... Так вот... Да дослушай ты! Отвечать не надо, я просто скажу, и все. В браке всяко бывает, это просто надо пережить. Ты основной ориентир, главное, не теряй. Кстати, хочешь историю? Как ты любишь – про незнакомых тебе людей.

– Хочу.

– Соседка у меня есть, тезка почти, Вероника. Соседка – это не подруга, но особое звание. Только ей можно курить у тебя в квартире. Тебе-то не понять – ты в полный дом бежишь... С соседкой во внешнем мире может ничего не связывать, но раз – вечер, выдох, скорый ужин на плите, масло у нее закончилось или просто тревожно, и изо всех этих кухонных шкафчиков, тарелок и чашек глядит твое привычное настоящее, которое не замаскируешь ничем, да и не получится, ты уже в домашнем халате. Потому и откровенность глотками горькими под кофе, а случается – и густая, слезная, под винишко. Соседка – это большие уши и незакрывающийся рот. И еще полная безопасность: уши со ртом постоянно чередуются! И летят в тебя просроченные обиды, прокисшие воспоминания и замороженные любви, но случается – еще теплое, вполне съедобное тебе швырнут. А завтра наступит твоя очередь. Так и живем. Ну вот, отвлеклась я... Делал ей молдаванин ремонт, суть да дело – втрескалась она в него. Мужик в самом расцвете, все в руках горит, сила брызжет, сама понимаешь, баба незамужняя, так, случайно и иногда кто-нибудь заночует... Но у нее планка высокая: не столько материально-го, сколько совпадения, понимания она искала. И нашла полуграмотного женатого молдаванина.

– А кто она?

– Представь себе, психолог. Сиди, не падай – детский психолог в школе! Короче говоря, промучилась она в невыносимых сомнениях, потом в голове что-то подкрутила, все сама себе объяснила и полностью в нем растворилась.

– А жена?

– Что жена? Под Кишиневом где-то... Говорил, что жена только денег от него ждет. По ходу еще и ребенок у него нарисовался. Но это, знаешь, в ее устах было незначительным дополнением, как будто он безвинно отсидел полжизни, а встретив ее, на свободу вышел. Мазок трагизма к его почти безупречному портрету. Вот уж воистину влюбленные глаза творят чудеса! Она ко мне даже заходить перестала, а если сталкивались на лестнице – без преувеличения говорю, – я встречала богиню! Своего огня ей на двоих хватало. И почему для этого нам всегда нужен мужик?! В общем, ремонт она за год худо-бедно закончила, чашечки-полотенчики пошли, трусы-носки и билеты в кино. Он отъезжал на родину, мигрантам же по закону положено, ну и с семьей повидаться, с матерью больной, старой. Нет, она всегда понимала, что хеппи-энда не получится, никаких условий ему не ставила, парила с ним, понимаешь? Прекрасно зная, но совсем не беспокоясь о том, что ее круг никогда его не примет, только вот если кому смеситель поменять, и что все свои заработки он будет сыну с женой и старухе-матери отправлять. Надя, ну сделай лицо попроще! Тебя Лешка не тем тоном за ужин поблагодарил – ты отчаянье вселенское давишь, а у многих вообще ничего нет, представляешь? И не все, как я, могут осознанно эту дверку захлопнуть! Против природы не поперешь. Одним словом, уехал он по весне, но обещал вернуться.

– А она красивая?

– Хм... Интересная. С богатым внутренним миром. И вечными бытовыми проблемами, с которыми удачно разбирался молдаванин, правда, как я между делом уточнила, полностью за ее счет.

– Он не вернулся.

– Нет, вернулся! В город. И в одну минуту этой встречи стянулось все, от чего она так упорно отмахивалась, все, о чем я ее предупреждала. Что-то ей на строительном рынке понадобилось, а может, тоска туда привела, и видит она у одного павильончика счастливейшую пару: своего молдаванина с женой. А жена, если ее переодеть, провинциальность сбить, настоящая красавица: дородная, фигуристая, не то, что моя анорексичка, а главное – до неприличия счастливая!

– Неужели она к ним подошла?!

– Конечно нет. Они за руки держались, плинтусы какие-то громко обсуждали, наверное, он дав- но уже был в городе и получил очередную работу.

– И что, он совсем ей ничего не объяснил?

– Практически нет. Еще раньше что-то стало сквозить в их переписке, мол, я тебе не пара, давай сохраним хорошие воспоминания, сейчас не время что-то менять...

– Он подлец.

– Нет, Надя. Это она безответственная фантазерка. Я тебе к чему: глоток свежего воздуха иногда бывает необходим, но семья – это святое. Семья, уж коли ты решила ее иметь – это и есть настоящая жизнь... Кто там у тебя уже тревожится, Алексей?

– Нет, мой преподаватель испанского.

– И к чему тебе испанский? У тебя же муж по- английски свободно.

– Зато не все испанцы свободно по-английски.

– Ясно. Так это он тебе воду баламутит?

– Прекрати. Он чуть старше моей Кристины.

К тому же иностранец.

– Иностранец это не болезнь. Как зовут-то?

- Анхель. Ты чего так усмехаешься?
- Да нет, тебе показалось.

Люба и Надя

9 октября

Московская область. КП «Сосны» — Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Куницево»

- Ку-ку, и ты здесь?
- Ага. Сiju, читаю твой пост про скрытое насилие в семье. Я спросить хочу... Нужен ли брак в принципе?
- Как гражданская единица отвечу однозначно: да. Это позволяет сохранять хоть какой-то порядок. А как женщина скажу иначе: имеет право быть, но очень редко. Продолжать?)
- Конечно.
- Изначально брак должен быть основан на страсти, а такое не у каждого в жизни встречается. Но если и повезет, чаще всего из этого космоса тебя выкидывают обратно, так же неожиданно, как впустили. Но уголек все равно будет тлеть. И только вокруг этого уголька имеет смысл что-то выстраивать, потому что во всех остальных случаях люди возводят башни вокруг пустоты.
- Зато у башен красивые названия: «стабильность», «долг», «ответственность», «милосердие».
- Ага! И еще «время пришло», «удобно», «комфортно», «лучше-чтоб-с-отцом» или «но-она-же-мать-моих-детей».
- Точно.
- Как твое настроение?
- Стабильно безрадостное.
- Таким, как ты, разводиться нельзя.
- С чего ты взяла, что я об этом думаю?
- Думаешь. Но тебе нельзя. В твоём случае дорога из башни только в сумасшедший дом или в бутылку. Ты совсем незащищенная. Ты не умеешь творить реальность.
- А ты?
- Умею, но творю все что-то не то(Не выключайся, пойду чай заварю, целый день не ела, да и не хочу, башка плывет.
- Осень(

Люба и Вера

13 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония». Отделение стоматологии

- Вер, десять минут. Мне надо машину переставить, я так ее бросить не могу. Ой, стойте, мужчина, стойте! Я все хочу узнать, можно вот здесь, на островке, парковаться? Да, но я же сюда влезла, еще и с за-пасом. Нет, инвалидного знака на нем не было... Вот, Вер, ходят, щелкают, а сами не знают, можно или нельзя. Бегу уже, бегу! Такой сейчас ужас расскажу...
- За тобой парковщик гнался?
- Он не парковщик, а этот, в зеленом, который показания с машин снимает... Уф-ф-ф...
- Садись, отдышись. Что такая заполошенная? Все по времени, мы успеваем. Кофе, может? Люб, ты что, плачешь? Из-за парковщика? Эй, да ты что?!
- Вера, я залетела.
- Куда залетела? В смысле? Так кофе или воды?

– В прямом. Подташнивало последнюю неделю, думала, от препаратов, которые ты мне в рот пихаешь или от этого, с «Тенора», в синтетической рубашке. Три корпоратива с ним отработала, с вонючкой этой мухосранской... Не поет, а голосит, как кошка драная, а пипл хаает! Задержка у меня была две недели. Ну, у меня цикл всегда был чуть больше месяца, в первую неделю насторожилась, но особо не парилась: как обычно, носилась по городу, пописать – и то некогда. Потом уже чувствую: какая-то херня... Может, думаю, климакс?! Хотя у матери моей он только в пятьдесят восемь случился. А сегодня утром тестер две полоски, блядь, выдает... Как так? За что?!

– погоди паниковать! Ну чего... Оставляй да радуйся.

– Типун тебе на язык! Сдурела?!

– Ну родишь в сорок шесть, и что? Я в сети сегодня прочитала, в Бразилии одна в шестьдесят девять родила.

– Крокодила?

– Ребеночка. Да не трясись ты так. Тебе что, смертный приговор вынесли? Ну избавишься... С таким сроком, как говорится, достаточно одной табл-э-тки. Люб, ну успокойся!

– Вера, это конец.

– Тебе с сахаром, молоко?

– Вера, это пипец.

– Ты что, из деревни вчера приехала? При любом твоём решении не вижу никакой катастрофы, разве что кесарево у тебя будет. Но тоже хорошо. Уснула-проснулась, а рядом малыш.

– Какой малыш, издеваешься?! Я и не выношу, да и...

– Выносишь. Как лошадь здоровая. Курить бросай и отдыхай побольше.

– Я не курю.

– А я думала, куришь. Откуда же налет такой?

– Кофе литрами. Вера, я не знаю, кто отец ребенка.

– Опа... Какие варианты?

– Или мой урод или Вовка.

– Вовка?

– Мой Вовка, Разумов.

– Так это ж вроде друг? Этот, который приходил ко мне в прошлом году, коронка у него по пьянке сломалась. Он?

– Именно.

– Валя, спасибо. Сюда поставь и валерьянки найди, будь так любезна. Валя, дверь-то прикрой!.. И как так вышло?

– Случайно.

– И давно ты с ним?

– Давно. Дружим много лет. Он водилой раньше был у Филиппова, бывшего шефа моего мужа. Мой тогда с ним и закорешился, а потом мы уже семьями. А тут, в самом конце августа... В общем, неважно. Случилось, и все.

– Женат он?

– Навеки. На мешке бесформенном. Да дело-то не в этом! Он такой удушливо-понятный, что даже если бы и холост, я никогда с ним жить... Я, конечно, прерву беременность, прямо завтра. Ой!

– Люба, успокойся! Возьми себя в руки. Ну что тебе, впервой?

– Да не впервой, но я не хочу! Сейчас уже не смогу, понимаешь? Я только что-то понимать стала, про себя, про жизнь, и такая подстава! Когда кто-то умирает, страдает не тот, кто умер, а те, кто рядом. Так вот, я уже страдаю от одной этой мысли... Тем более сама, своими руками! Нет, я не смогу.

– Да не своими, а руками врача. Я очень хорошего врача могу посоветовать, тактичного, опытного, она здесь, в нашей клинике, кстати, принимает. Хочешь, наберу?

– Не надо пока. Вера, я сдохну прямо здесь! Только от одной мысли о том, о чем ты сейчас говоришь!

– На, возьми. Прекрати трястись, это просто валерьянка. Две, нет, лучше три таблетки, держи. Садись в кресло, отвлечешься.

– У меня еще и дядька помер под Калугой. Мать задолбала истерить, звонит каждые полчаса. Вовка агента нашел хорошего. А кто еще, кроме Вовки, поможет? Но он ничего не знает. И не должен узнать. Я не могу его так глупо потерять, Вовку... Мне, Вер, и опереться больше не на кого. Да, он совсем не мой герой, дурилка этот картонный, но... Ох, Вера, это я во всем виновата. Помнишь, наводнение в конце августа случилось? Пол-Москвы тогда затопило, и меня... вместе с ним. Нет, не могу об этом...

Вера и Надя

16 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Ромка пропал.

– В смысле пропал?

– В прямом. Вторые сутки пошли, как не отвечает на звонки и сообщения. Тварь эта аморфная сегодня на пятый раз только трубку взяла, еще зевнула, это в одиннадцатом-то часу! Я из нее еле выудила, что Ромку она со вчерашнего дня не видела. Ушел, говорит... Да нет, Надя, она даже не говорила, я это все клещами вытягивала!

– И что вытянула?

– Ну что... Ушел вчера на встречу с какими-то институтскими друзьями. Имена-фамилии она не знает, только пару кличек назвала: Бзик и Спойлер. Уроды, блин... У меня такое ощущение, что это новое поколение – не живые люди, а ники, аватарки и идиотские словечки, зависающие в дыму от набитых каким-то дерьмом ингаляторов, которые они изо рта не вынимают. Не люди, а карикатуры на людей.

– Вер, успокойся.

– Надо пойти заявить.

– Не паникуй раньше времени.

– Слушай, дерни Алексея, может, у него есть кто в органах?

– А сама не хочешь?

– Да не могу я с ним после Пасхи нормально общаться. Не то чтобы обиделась, это-то я переживу, просто одалживаться не хочу.

– Понимаю. Он был крайне бестактен с тобой, а с другой стороны – ни оскорблений, ни крика не было, выходит, и придраться не к чему. Для него это, к сожалению, нормально... Не беспокойся, я поговорю с ним вечером. Ну а ты, в свою очередь, сразу информируй, как Рома объявится.

– Само собой. Выпьешь?

– Не могу: я, как обычно, за рулем.

– А я выпью немного. Девушка, подойдите, пожалуйста! Это все очень странно, Надя.

– Не накручивай себя. Может, он со своей поругался и психанул. Этим и можно объяснить ее нежелание с тобой разговаривать. Уверена, он до сих пор зависает где-то с друзьями.

– Я ему не девушка! Он не имеет права так со мной!

– Вера, ему уже двадцать три года, и он взрослый мужик.

– Какой взрослый?! Ни насморк вылечить, ни в парикмахерскую сходить без моего контроля.

- А зачем ты его контролируешь?
- Зачем?! Да потому что он debil.

Надя и Люба

16 октября Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» – Московская область. КП «Сосны»

- Привет, как ты?)
- Прости, долго не отвечала. Попала я. В дурацкое положение(
- Что, так серьезно?
- Более чем.
- Помощь нужна?
- Мне никто не поможет. Ладно, проехали... У тебя как дела?
- Стабильно безрадостно. Еще и племянник мужа пропал.
- О как... Близкий тебе человек?
- У мужа сестра двоюродная, это ее сын. Не могу сказать, что он с ними одна семья, но так сложилось, что это я с ней дружу.
- Бывает. Часто чужие во сто крат роднее кровных и душой, и поступками.
- Хорошо, если есть такие рядом. От одиночества сдохнуть можно.
- Сдохнуть можно от неразрешимой проблемы.
- Неужели совсем невозможно разрешить?
- Совсем, Надя. Как будто черт стоит за спиной и ухмыляется: «На, получи!». Грешила я, что душой кривить, но чтобы вот так...
- Ты говорила, что ходишь к какому-то чудесному человеку, вдруг он и поможет?
- Кстати, да. Облом завтра с моим занятием. Мне в деревню ехать, где дядька помер. Взяли менты агента похоронного по дороге, оказалось, у него уже год как регистрация просрочена. А дядька там гниет. Кроме меня, ехать некому.
- Держись, Люба! Сегодня из страховой звонили, все ок, починит тебя моя страховая.
- Не парься, я и забыла. Но спасибо.
- Пиши.
- И ты.

Люба и Вера

19 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония». Отделение стоматологии

- Привет, Верунь.
- Привет. Иди, садись в кресло. Потом к Потаповой тебя отведу.
- Кто это?
- Гинеколог.
- Я не пойду сегодня.
- В смысле?
- В прямом.
- Что, осчастливила новостью отца? Которого из них, разобралась?
- Прекрати.
- Ну ты даешь! На прошлой неделе ты в истерике билась, а сейчас стоишь с таким видом, будто не тебе, а мне это нужно! Решила проблемы со своими мужиками – я только рада, но можно было и в известность меня поставить, я же уже договорилась.

– Я ничего не решила. Под Калугу гребаную за дядькой ездила. Вчера похоронили. До сих пор себя чувствую, как в кошмарном сне. Сначала машина на подъезде к деревне в грязи застряла, я тыр-пыр, вперед-назад, а она только вязнет и ни с места. Хорошо, я в кроссовках была, кое-как вылезла, джинсы по колено в дерьме, вокруг ни души, бегу к деревне, и первый же двор глядит на меня пустыми глазницами. Я дальше – все то же самое: мертвые, осевшие враскорячку дома. И везде, главное, занавески, как саван, на окнах. Там, может, и живет кто, но, думаю, призраки, обиженные и злые. Знаешь, что там было страшнее всего? Ржавые велосипеды у ворот и игрушки детские в гнилой листве. Кое-как название улицы отыскала, бегу, пытаюсь номера домов различить. Леший какой-то встретился, заросший, вонючий, полвека пьяный. Прошамкал что-то, где дядькиных родственников искать, и исчез за поворотом. Опять вокруг ни души, это середь бела дня! Хотя там даже и не день, а свет жиденский, что щи пустые, а деревья – как виселицы вдоль дороги. И тут еще вспоминаю, что телефон в машине на зарядке остался, хорошо хоть кошелек с собой, в сумке... А с другой стороны – кому он там нужен, кошелек? Что я могу купить, что решить в этом мрачном безвременье? Ни людей, ни ментов, ни детей – вообще никого! И такая паника меня охватила... Всего четыре часа езды, и все то, за чем мы привыкли отгораживаться от мира, рухнуло в считанные минуты. Сожрали бы меня людоеды – никто бы не узнал.

– Ад какой-то.

– Ан нет, оказалось, и там люди живут. Наконец нашла на другом конце деревни нужный дом. Братан дядькин сидит за столом, самогонку жрет и в телевизор смотрит, а там интервью с Собчак, мол, правда или нет, что она в президенты баллотироваться собралась. Он смотрит вроде на нее, а на самом деле мимо и пусто, и губами что-то скверное бормочет. Ему все эти люди из телевизора – что нам инопланетяне. Нищета в доме, посуда вся как оспой болеет, но довольно чисто. Баба у него без возраста, сама не бухает вроде... А даже если бы бухала, ничего бы это не изменило. В общем, оживились они слегка, когда я представилась, и ныть про свои тяготы в связи с дядькиной смертью начали. Чувствую, денег хотят... А за что им денег? За что?! Короче, отдали они нужные бумаги, соседа какого-то привели, он помог мою машину вытащить, и я в морг поехала. А дальше уже на автомате все.

– Ладно, открывай рот. Через полчаса Галина Сергеевна ждет, как раз в окошко тебя впихнули.

– Не могу я сегодня, прости, Верунь. После тебя на занятия побегу, неделю не занималась, да еще стресс за стрессом. Буду пробовать хоть как-то восстановиться, прежде чем решать.

– Что ж... Смотри, если безоперационно, то только до восьми недель. Давай-ка, лови ее телефон и сама договаривайся.

– Спасибо.

– А у меня Рома пропал.

– Как пропал?

– Молча. Ушел из дома и не вернулся. Телефон выключен, на сообщения не отвечает.

– Ужас какой! А девушка его что говорит?

– Вчера в отделение ходили, глазки бегают у нее, свинячьи такие глазки, вечно припухшие, как у этой, как ее... у Йоханссон, но сжата в комок, на вопросы следователя отвечала четко, поди разбери, врет или нет.

– Они могли поругаться. Может, не врет, а просто не договаривает.

– Да и хрен бы с ней. Люба, я твоим коллизиям сочувствую, но у меня-то сын пропал, единственный сын!

– Верунь, успокойся, найдется.

– Это что, пуговица от пальто?! Найдется...

– Ты бы написала, у меня ведь не горит. Зачем на работу ходишь?

– Да я дома оставаться не могу. От каждого звука вздрагиваю, все кажется, сообщение пришло или звонок пропустила, за телефон хватаюсь каждые пять минут, ни на что переключиться не получается. А здесь хочешь не хочешь, а приходится.

– Держись, дорогая. Все прояснится.

– Надеюсь. Хожу, как в липком страшном тумане. Чувствую себя, как ты в той своей деревне.

– Понимаю...

– Понимает она! Кончай ерундой заниматься, иди к Потаповой и реши свою проблему. Всего и делов-то.

Вера и Надя

23 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Позвонил он вчера.

– Откуда?!

– Не знаю, не определился номер.

– Вот. Я же говорила, все будет нормально.

– Нормально?! Надя, ты дура? Я тебе говорю, номер не определился... и-и-и-и... я почти ничего не расслышала!

– Спасибо, молодой человек, помощь нам пока не нужна, на, Вер, возьми платок. Да чистый, чистый он, только что пачку при тебе распечатала. А почему не расслышала?

– В клубе была. Там музыка громкая.

– Ты ходишь в клубы?!

– Конечно нет. Но это особое место. Там танцуют аргентинское танго.

– Ты танцуешь?

– Ну уж куда мне, да? Такому отстою, как я. Ты же об этом сейчас подумала?

– Ну что ты...

– Ты даже лукавить не умеешь. Ума не приложу, как ты столько лет с одним мужиком прожила.

– Верунь, не надо на меня нападать. Я сама мать, я чувствую твою боль и...

– Боль?! Да ты всю свою жизнь живешь за Лешкой как за каменной стеной, что ты можешь знать о боли?! Ах да, тебе же больно, что ты домой особо не торопишься, куда «Утконос» оплаченную мужем жратву привез! Ой, чуть не забыла: брат сказал, вы на «Азбуку вкуса» перешли, там помидоры краснее и яйца белее. И попробуй ему возрази.

– Перестань. Боль не измеряется в граммах.

– У некоторых она измеряется в килограммах.

– Угу...

– Знаешь, вчера мне показалось, что танцующие танго ходят по боли, будто топчут ее, чтобы не так остро чувствовать.

– Как же ты там оказалась?

– В первый раз случайно попала, клиентка одна пригласила. Я сначала даже не поверила, что такое может существовать где-то рядом. А вчера пришла совсем уже на грани, больше мне некуда было пойти.

– Это что, вроде клуба знакомств?

– Я тоже так сначала думала. Нет, Надя, может, они и знакомятся для личных целей, но я этого не заметила. Всего-то триста за вход...

– Неожиданно... Так что с Ромой?

– Понимаю, ты, должно быть, удивлена! И презираешь меня, ведь я должна была дома сидеть и ждать звонка. Но это даже хорошо, что я в тот момент оказалась в клубе. Была бы дома – скорее всего кричать бы начала, оскорблять, ведь ко вчерашнему вечеру я дошла уже до последнего предела... А теперь хоть есть надежда, что он снова выйдет на связь.

– Что он сказал?

– Мне с трудом удалось расслышать, что жив-здоров, просит не волноваться и его не искать. Все.

– А менты что говорят?

– Уже ничего. Была у них утром, они уточнили, уверена ли я, что звонил именно сын, я сказала, да, уверена, следовательно в ответ лишь вяло усмехнулся. Думаю, они уже закрыли дело, а может, и не открывали. Но девка его сто процентов что-то знает. Она совсем не похожа на раздавленного неизвестностью человека. Единственное, что есть хорошего в этой сучке, – своим спокойствием она поддерживает во мне уверенность, что ситуация поправима. На вот, зацени ее фото в соцсети. Я уже везде, где можно, после его пропажи зарегистрировалась, а надо было сделать это раньше.

– Боже... Это что, гуманоид?

– Нет, это она, его Анечка. В жизни все не так: мышь безликая, шмотье бесформенное, ни одной понятной эмоции на лице, а слова бесцветные изо рта еле процеживаются. Хорошо, это мейк-ап и фотошоп, но они же считают это уродство, эти раздутые губы, пустые, на поллица, кукольные глаза, ацтекские неестественные скулы с рязанской губернией в анамнезе, эталоном красоты! К чему мы идем? Гляди, эта фальшивка успела набрать уже сотни лайков! А вот две недели назад, они с Ром- кой где-то в центре, в кафе. «Пельмени как у бабушки», 600 рэ порция. А когда они в последний раз видели своих еще живых бабушек?! Надя, он же от нее сбежал, от них всех, понимаешь? Я Ромку знаю как никто другой, он книжки правильные читал, голубей раненых да собак бездомных все детство домой норовил приволочь, а эти даже если и жалеют кого, так сразу весь мир должен об этом знать. И не от жалости это происходит, а от пустоты. Не люди – карикатуры на людей!

– По-моему это всего лишь попытки заявить о себе, естественные в их возрасте. А с другой стороны – виртуальным эксгибиционизмом сейчас каждый второй страдает. Но у молодых это органично получается. Для них это привычная реальность.

– Значит, я уже давно не в реальности.

Люба и Надя

24 октября

Москва. Большая Никитская. Кафе «Кофемания» — Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Про меня совсем не интересно. Сажу в кафе, человека жду. Пробки дикие, он опаздывает. Как ты? Напиши, что сейчас делаешь.

– То, что позволяю себе делать днем, когда мои расходятся.

– Гы. Секс по интернету?)))

– Брось. Я даже не знаю, как это искать)

– Тогда что? Вебинар для гейш? Мне почему-то кажется, ты могла бы стать первоклассной гейшей.

–))) Все намного прозаичней. Сажу и покуриваю в окно.

– Так ты куришь? И твои не знают?

– Нет. Муж бросил лет пять назад, теперь на дух не переносит курильщиков, особенно женщин. Я после иду в душ, пол-тюбика пасты уничтожаю, сверху духи, а в квартире устраиваю сквозняк.

– А гамбургеры он любит?

– Бывает.

– Выпить?

– Может.

– Я никогда серьезно не курила, в детстве туберкулезом переболела, но просто офигеваю от многих вещей, которые скорее всего рождаются из чисто коммерческих расчетов, а потом стремительно превращаются в массовый психоз. И это при том, что больше половины страны как курили, так и курят! Всех курильщиков – из ресторанов на мороз, в аэропортах курилки прикрыли, как результат – в сортиры очередь, теперь, когда знакомые закуривают вне дома, говорят, что каждый раз чувствую себя так, будто преступление века совершаю. Но разве фаст-фудовские обжоры свое здоровье меньше гробят? Пускай бы тоже жрали генетически модифицированные булки по сортирам, чтобы пример дурной не подавать. И картиночки жуткие на упаковках этого дерьма пусть бы тоже печатали. А бухает у нас каждый второй. Бокалчик-другой за ужином, под сериал после ужина, в отпуске – каждый день, на праздники – вообще святое. А праздников у народа много. За те пятнадцать минут, что я здесь сижу, мне уже два раза барную карту предложили, и это днем! Алкашка, в отличие от сигареты, меняет психику и разрушает личность. Но ведь куда ни придешь, первый же вопрос: «Что вашей печени налить?».

– Забавно. Но, по-любому, курение не полезно.

– Думаешь, твоя лож полезнее? Партнер обязан принимать тебя такой, какая ты есть, в противном случае это не партнерство.

– Мы больше двадцати лет вместе.

– Удивила. Мы двадцать семь.

– Просто я не хочу его расстраивать... Хочу быть лучше, чем есть.

– Пытаешься казаться, но не быть. Человек, которого заставили лгать в мелочах, потом уже и сам легко соврет в большем.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что ты сливаешь себя ради того, чтобы быть мужу угодной. И удобной.

– А ты? Все эти двадцать семь лет живешь так, как удобно тебе?

– ...

– Люба, ты еще там?

– Прости. На звонок отвечала, заказчик, москвич, блядь, заблудился в трех соснах. Ты все еще куришь?)

– Угу... В доме напротив есть одно окно. На подоконнике стоит ваза, а в ней цветы в любое время года. Розы, хризантемы, мимозы, тюльпаны, ромашки... Поначалу я прилипла по вечерам к окну и, грешным делом, все пыталась проследить за обитателями квартиры. Ничего особенного: иногда мелькает женщина, не молодая, не старая, всего лишь раз я видела силуэт мужчины. Но вскоре следить перестала. Теперь смотрю, как сейчас, только днем, проверяю, какие цветы в вазе.

– Стало стыдно подглядывать?

– Вовсе нет. Просто не хочу по косвенным признакам вдруг узнать, что в квартире живет одинокая женщина, которая сама себе покупает цветы. Хочу, чтобы загадка осталась неразгаданной, хочу думать, что она таким изысканным способом демонстрирует кому-то свое настроение. Цветы не нужны женщине, если у нее нет тайны. Но в последнее время в вазе часто стоят желтые цветы.

– Напиши мне «желтые цветы» по-испански. Я тоже язык учить хочу, только времени нет. Ой, все, конец связи. Хрен моржовый нашелся, уже заходит.

Вера и Люба

24 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония». Отделение стоматологии

- Что нового?
- А у тебя?
- Ромка жив, возможно, здоров, хотя в его психическом здоровье я не уверена.
- А может, это похищение?!
- Спасибо за умную мысль. Эту версию менты уже отработали. Нет, он просто взял и куда-то свалил.
- А может, завербовали?
- Кто?! Он что, олигофрен или голодный гастарбайтер?
- Пишут, что всяких вербуют.
- Иными словами, ты даешь мне понять, что сын мой дурак, и я воспитала дурака?
- Я ничего не даю понять, просто предполагаю...
- Люба, мне еще целый день работать. Пожалуйста, не тереби... Расскажи лучше про себя. Что ты решила? Галина говорит, ты так и не появилась.
- Я почти уверена в том, что ребенок Вовкин. Но он сейчас с семьей на отдыхе во Вьетнаме. Буду ждать, когда вернется, все-таки он имеет право знать.
- Нет уж, давай прямо сейчас туда и пиши. Что, жалко его? За какие такие заслуги мы их, козлов, всю жизнь жалеем?!
- Это будет слишком.
- Я понимаю, и тебе семья его не совсем чужая, и Кириллу твоему он руку при встрече без зазрения совести пожимает. А тебя здесь рвет на части.
- Все, пошла мука на Тобольск... Вот, глянь, он в сети только что новых фоток выложил.
- Дочка его? Прыщавенькая какая, подросток... А это кто, жена? Ну-ка, увеличь! Боже, какая страшила.
- Зато счастливая.
- Скорее изображающая счастье... А как телефон в карман спрячут, сразу руки расцепят и обреченно пойдут по дорожке одними и теми же салатами да пойлом разбавленным давиться. Заплачено же.
- Представляешь, как раньше, в похожей ситуации, бабы, пожираемые мучительной неизвестностью, ночами заснуть не могли? Рисовали в воображении соперницу, додумывали, пыхтели. А сейчас пару кнопок на телефоне ткнула – и сразу в чужую жизнь попала. Лет через пять небось придумают такое приложение, чтобы под фото еще и информация всплывала: возраст, заболевания, группа крови, резус-фактор, налогооблагаемое имущество и даже, а-ха-ха, количество половых актов в год! Главное – чтобы не всплывало, с кем... А еще я думаю, Вер: вот если я его люблю, значит, должна радоваться, что все у него будто бы хорошо, что он сейчас купается в море и лучах солнца, но... что-то не получается у меня радоваться за ближнего. Если честно, то, сука, с самого утра настроение дерьмовое... Первую фотосессию он еще ночью загрузил. Душная она у него, Катька. А еще пустая, примитивная. Но живет же с ней и как будто радуется. Вер, неужели я такая эгоистка?
- А он не эгоист? И теперь у нас, как ты точно подметила, все «как будто». Все эти лайки, восторженные комменты – ах, мы сейчас описаемся от радости за вашу радость! – все, что вывешивается на всеобщее обозрение, получает такую же искусственную реакцию, как и это минутное изображение счастья. А то, что еще живо, поглубже прячут, чтобы хоть это не украли. Вот и Ромка мой спрятался... Ну все, поехали. Валя! Ва-ля! Почему опять лоток грязный? Где ты его мыла? Он блестеть должен! Что, сама не видишь: здесь разводы!

Вера и Надя

25 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Меня сегодня Валя, ассистентка моя, поразила... Такую реакцию выдала!

– Опять на нее накричала? Думаю, она давно уже к этому привыкла. Тем более сейчас, в твоём состоянии... Ты уж выдохни, Верунь, главное – Ромка жив. Уверена, все вскоре выяснится.

– Да хватит уже талдычить одно и то же! Меня это только раздражает, неужели не ясно?!

– Вер, пожалуйста, возьми себя в руки.

– ...И вам добрый. Бокал сухого белого и семгу на пару. У подружки тоже язык есть, у нее и спросите.

– Будьте добры, лавандовый раф. Да, это все. И что там с Валеёй?

– Что... Почти три года она со мной, и все это время никакой личной жизни у нее не наблюдалось. По мне – доска она плоская, к поцелуям не располагающая, впрочем, мужикам виднее. Я так только за, чтобы жизнь устроила. Мать у нее серьезно болеет, одним словом, работа да быт у девки. И вот знакомится она с парнем по интернету. Глазки заблестели, растоптанные кроссовки на каблучки сменила, я даже услышала, как она смеется. Придумала она, чтобы парень этот к концу смены к нам в стоматологию заехал, как уже потом поняла – специально, чтобы я на него посмотрела. Ладно, месяц прошел – они продолжают встречаться. Уж она такая счастливая ходит, что даже и не вспыхивает, как раньше, от моих замечаний, а только глупо подхихикивает себе под нос. Но парень проблемный, это я сразу уловила! Может, женат, а может, просто несерьезно к ней относится. По крайней мере с деньгами у него туго, в кафе только раз сводил, а дальше они все по каким-то друзьям перебивались. Был у нее вчера день рождения. Сегодня за кофе спрашиваю: что он тебе подарил? Она засмушалась и на другую тему соскакивает. Я снова: так что? Она мне открытку виртуальную тычет в нос. Я говорю: и это все? Видно, ты, Валя, ни во что себя не ставишь, раз такое отношение допускаешь. Когда мужик по-настоящему влюблен, то, даже если с деньгами туго, он займет, выкрутится, в лепешку расшибется, но цветы-то настоящие подарит или на работу с курьером пришлет, если негде пока дарить. Она в слезы... Щечки побелели, задрожала вся и выбежала. А у меня как назло три пациента, один за другим, и все сложные. Пришлось Генкиной ассистентке на два кабинета разрываться. Часа через два Валя появилась. Нет, она со мной разговаривает, но слова еле цедит, и столько в них злобы, что лучше бы совсем молчала. Скверно у меня на душе. Но, Надя, разве я не права?

– Тяжелый вопрос... Представь себе, что было бы, если бы мы все бросились говорить друг другу правду. Ах, ребеночек ваш на самом деле тупица и урод, напрасно вы его в гении записали, ах, вы в жизни выглядите совсем не так, как на вашей десять раз отретушированной фотографии, и, если честно, вы просто страшненькая, и муж ваш обожаемый на меня весь вечер глазками стрелял, пока вы расписывали, как он вам предан, и сумка ваша – паленое фуфло, а квартирка новая, на каждой вашей нервной клетке выстроенная, тесновата и от центра далеко.

– По мне уж лучше так.

– Лучше чем что?

– Чем как ты: в собственном доме слово лишнее бояться сказать. Ты же только здесь такая смелая. Или ты со всем согласна? А секс «как с мертвой рыбой» ты с Лешкой обсуждаешь? Думаешь, я не понимаю, почему ты со мной так часто встречаться стала? Совсем не потому, что хочешь меня поддержать, а потому, что ты здесь, рядом с моей работой, испанским своим занимаешься, ну или еще чем... Что ты глазками-то хлопаешь? Домой идти не хочется? Нет, ты не бойся, я, если что, прикрою. Только не надо из меня суку делать.

– Нельзя вот так, с плеча, рубить и осуждать других за то, о чем ты давно уже не имеешь представления.

– А... Так ты на мужиков намекаешь?! Завели разговор о правде, но у тебя, как у всех баб, все к этому скатывается. Только в моем случае это мимо кассы. А ты иди, лги дальше!

– Вер, потише, на нас уже смотрят. Тебе сейчас помощь нужна и...

– Не надоело тебе утюжком работать?! Тут уголочек пригладить, там присборить? Господи, да я прекрасно вижу, что ты послать меня сейчас хочешь. Что глаза-то опустила, не можешь? Так я тебе скажу: пошла ты, Надя, в жопу!

Люба и Надя

26 октября

Московская область. КП «Сосны» — Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Так у тебя совсем нет подруг?

– Ты)

– Спасибо, польщена. А знаешь, что скажу... В реальной жизни мы навряд ли еще увидимся. Я поначалу боялась, что ты мне это предложишь, но потом быстро успокоилась и поняла, что для тебя только отдушина. А душа прекрасно изливается в словах, тем более когда их можно поправить, прежде чем на кнопку нажать. В удобное мы время живем.

– Не всем оно нравится. А я тебе зачем?)

– Я очень общительна и любопытна. Бывает, даже чрезмерно...(К тому же влюбчива, импульсивна.

– А я давно уже легкость растеряла. Друзья-подружки – это прерогатива беззаботной юности, а после одна привычка держит. Цепляемся за что-то в памяти, а в жизни этого давным-давно нет, только вымученный восторг остается при редких встречах. На мужа, бывает, смотрю: он с институтскими друзьями из какого-то своего принципа отношения поддерживает. Не в чем-то конкретно помочь – это-то я как раз понимаю – а вот эти дачные застолья с шашлыками, с одними и теми же воспоминаниями и песнями под гитару... Хорошо, пусть ресторан для разнообразия, но в нем – все то же, только ведут себя сдержаннее. Гляну на него исподтишка – а он вовсе не с ними, и глаза невеселые, хотя тосты кричит громче всех и песни все наизусть знает. Сидит с ними за столом, а сам продолжает думать про деньги, про работу, или еще про что...

– Это ты свое состояние в нем видишь. А о чем он на самом деле думает, только ему известно.

– Но что плохого в том, что я не хочу такого общения? Что мне не требуется притянутая за уши радость. Если вдруг открыто заявить об этом всем этим людям, которые для меня совершенно пусты, которые крадут мое время и отвлекают от попыток раскопать хоть что-то в себе, – мало того что это будет расценено как невежливость, меня еще обвинят в скудости души. И мой выпадающий из этих вечеринок муж сделает это первым.

– Он небось тебя, красотку, балует, наряжает?

– Он бывает щедрым. Но даже щедрость свою всегда заранее планирует.

– Я давно уже сама себя наряжаю и балую. Но с тобой бы местами не поменялась. Тоска(Кстати, как твой испанский?

– Как воздух.

– Что, препод симпатичный?)

– Не без того.

– Ну и позволь себе влюбиться.

– Я влюбляться не умею.

– Или все или ничего?

– В теории. А на практике давно уже ничего. Я часто чувствую себя динозавром, окостенелыми останками того, чем когда-то была. И то, что кем-то была, я вспоминаю только рядом с этим мальчиком. Из каждого слова этого дивного языка, словно сок, сочатся чьи-то страстные ночи, чьи-то любовные мучения, и весной всегда пахнет, как забытой, ускользающей мечтой...

– Ты очень романтичный динозавр) А у меня уже давно нет мечты.

– Была?

– Может, и была, лет десять назад...

– Расскажешь?

– Слушай, я тебе сюда позвоню? Рука уже затекла по клавишам бить.

– Буду рада слышать твой голос)

– Але, проверка связи.

– Есть связь!

– Ну так вот, про мечту. Больше десяти лет назад это было. Мой тогда совсем опустился, запойным стал. Винить я его особо не винила, скандалила, конечно, но всегда понимала, что среда вокруг него особая, творческая. Должность свою хорошую он к тому времени потерял, перебивались копейками за его статьи. Сын на бабушках да на мне, и вот, помню, я в большой книжный на Тверскую отправилась – сыну за контурными картами, чтобы уж купить наверняка. Апрель стоял свежий, дразнящий, я вышла из магазина, и захотелось мне прогуляться. Вначале я все на небо и на прохожих смотрела, а как дошла до Манежки, потянуло меня к Красной площади и дальше, на Ильинку. Иду, глазею на витрины с разнаряженными манекенами – а приодеться я всегда любила – и вижу одно платьице. Мечта... На первый взгляд скромненькое, черное, но каждая линия, каждый стежочек безупречны. Словно сама Коко ободряюще с неба улыбается и шепчет мне на ушко свои секреты. Дай, думаю, зайду, хотя четко понимаю, что магазин этот ни разу не по карману. Пока с дверьми их начищенными разобралась, уже целый план в голове созрел – тут перезайму, там перекручусь, да и мужу за статьи гонорар причитается. Он никогда не был жадным, просто такой уж нефартовый чувак... Захожу вся такая из себя, нос кверху, а туфельки стоптанные, сумочка модная, но дешевая, и карты контурные с атласом из нее торчат. Стоят две девушки, моложе меня. «Что вам? – говорят. – Вы, наверное, курьер?» И столько превосходства, столько высокомерия в их взглядах, что у меня, помню, аж костяшки пальцев побелели. Как вышла оттуда – в голос разрыдалась. А Москва нарядная, кичливая, у ресторанов машины полированные паркуются, из них девки вылезают, и все разодетые, будто из этого бутика. И такая злость меня поначалу разобрала, такая обида на Кирилла... Что же, думаю, друзьям его, пустозвонам, накрывала-стелила, бред чужой до рассвета выслушивала, а потом Юрку в школу на ватных ногах отводила, в любой ерунде вдохновить его пыталась, никому не жаловалась, терпела, любовницей всегда на все готовой была... И за это – вот так?! За это две соски кривляющиеся с трехгрошовыми душонками меня с дерьмом в двух фразах смешали?! А тут еще мент вдруг остановил, предъявите, говорит, девушка, документы. Я еще пуще в слезы, зачем, говорю, москвичке паспорт с собой носить, если она ребенку за атласом в книжный поехала? Мент поначалу растерялся, а потом так снисходительно говорит: «Ладно, идите. В следующий раз паспорт с собой берите. У вас на лбу регистрация не написана». Когда до дома добралась, обида отползла, одна только злость осталась. И что-то надломилось внутри... Не скоро стало получаться, это же не сказка – жизнь... День за днем я заставляла себя куда-то ломиться, кому-то услуги предлагала, пренебрежение, отказы сносила, но все это было несопоставимо с тем, что я почувствовала в бутике. Закрутилась новая жизнь, вскоре я и думать о том забыла...

Проснулась недавно, в нынешнем апреле, лежу, как обычно, прикидываю, что сегодня надену. И поняла, что теперь у меня совсем не так, как раньше, и, как у большинства женщин, вот эти вещи – для важного выхода, эти – на каждый день, эти – для дома. Любая сумка, платье,

туфли, что ни возьми – все у меня офигенное. Зарулила я в тот самый бутик. И кэш был с собой, и карты кредитные. Нет, я в таких магазинах до сих пор не одеваюсь: когда деньги приличные появляются, не зазорно экономить, планировать расходы начинаешь. Что-то за границей беру, что-то на элитных распродажах. Но могу, теперь уже могу, там одеваться! На крыльцо зашла – мне тут же охранник дверь открывает, две возрастные кошелки, но такие, все при них, а может, и те самые, ко мне с улыбочками спешат: «Что вас интересует? Хотите кофе?» А я стою, Надя, и вместо победной радости чувствую одну только усталость и полное опустошение.

– Алё! Ты там? Грузанула я тебя?

– Вовсе нет. Я вот что подумала... Ты, видимо, мужа своего сильно любишь... Он не смог, так ты за обоих отомстила.

– Неожиданная трактовка... Спорить не буду. Соглашаться тоже. А с испанцем ты поаккуратней. Главное – денег ему в долг не давай, если попросит.

– Да у меня их и нет.

– А что, он с тобой бесплатно занимается?

– Муж раз в неделю деньги выдает. С трудом убедила, что мне это нужно.

– Понятно... Ладно, до связи. Мне бежать пора.

– На занятия с загадочным человеком? Ты так и не рассказала, чем с ним занимаешься.

– Ой, как-нибудь потом.

Люба и Вера

26 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония». Отделение стоматологии

– Любовник... Какое-то устаревшее слово. От него веет подаренными не жене цветами, купленным впопыхах набором конфет, выдохшимся шампанским, рыжей листвой под ногами в заброшенном уголке парка. В наше время мужчина, на стороне вступающий в связь, которая хоть что-то для него значит, должен по-другому называться.

– Легкомысленным идиотом.

– Считай, что я засмеялась. Вот ты меня спросила, почему при таком кажущемся выборе именно он. Да потому, что у людей давно все через жопу, и я не исключение. Сначала сольются телами, потому что так принято, а то и для внешнего эффекта – чтобы окружающие не усомнились в их востребованности, – а уже после пытаются знакомиться. Здесь и вылезает из всех щелей: и говорить толком не о чем, каждый говорит словно сам с собой, и запах кожи – вот это самое проблемное – не тот, и интересов общих нет. Людям свойственно преувеличивать значение секса... А Вовка родным мне стал за эти годы. Как собака к хозяину бросается – в его настроение, энергию, – так и мы, ни о чем таком не думая, стали бросаться навстречу друг другу, и при этом не лгали и не играли – зачем? Мы же просто друзья... Позерство, желание казаться лучше, полуправда про семью, деньги и возможности – вся эта мишура была нам не нужна. Но он мужчина, а я женщина, и если на стене висит ружье, оно когда-нибудь выстрелит. Нет, все-таки секс – это самое разрушительное оружие, особо опасное своей доступностью. Я имею в виду такой секс, когда задействовано абсолютно все, а не только наши жалкие половые органы. Меня в какую-то секунду пронзила простая мысль: а с кем же, если не с ним? Аморально? С одной стороны – да, друг семьи. А с другой – это было абсолютно честно перед собой и перед ним – с близким, понятным, всей душой любимым человеком заняться таким приятным делом! И все эти наши обычные бабьи комплексы: выбрать правильный свет, проблемными местами не поворачиваться, – все это оказалось совершенно не нужным, потому что он в доску свой. Так где же здесь правда? Мы были правдивы друг с другом, а окружению нашему, выходит, такая правда страшнее банального блядства...

– Так и есть.

– Я и дышала с ним по-другому в тот вечер... Будто на шар воздушный шагнула, и шар не дернулся, как это обычно бывает, а взмыл, и в этом полете я всю себя потеряла, а потом... разбилась. Мы даже в глаза смотреть друг другу не смогли. Оделись торопливо и какую-то ерунду из себя давили, лишь бы чем-то пространство заполнить. А все потому, что другая правда успела очнуться и, сложив руки на груди, встала рядом, укоризненно качая головой. Эта хмурая, формальная правда оказалась сильнее первой, невесомой и свободной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.